

Повреждено наводнением 23 Сентября 1924 года
Endommagé par l'inondation du 23 Septembre 1924

ЗАПИСКИ

КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ТОМ I

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМИ УЧРЕЖДЕНИЯМИ (ГЛАВНАУКА)
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО (ГОСИЗДАТ)

ЛЕНИНГРАД
1925

И. Н. Березин, как путешественник и исследователь иранских наречий¹.

«...Я отправляюсь в далекий и трудный путь на Восток, в отчизну Единой и Вечной истины и нелепых религиозных заблуждений, практических нравочений Саади и восторженной мечтательности Хафиза, в страну усладительного шербета и умственного усыпления, вечно благоухающих роз и быстро увядающей красоты, самых замысловатых комплиментов и самой затейливой брани, неведомых наслаждений и неожиданных кинжальных ударов, в страну, где, может быть, судьба кинет мне в руки всемогущую печать Соломона, которой беспрекословно повинуются все духи, и я возвращусь в родную землю на крыльях баснословного Симурга, облеченный таинственной властью над невидимыми силами природы».

Так начинается И. Н. свое путешествие на Восток—как яркие и характерны эти слова для человека 40-х годов. Дальше он говорит о трудности отъезда... «не верьте никому, кто отправляется в странствование веселый и счастливый». Все путевые записи И. Н. полны этих, отвечающих духу времени отступлений личного характера. Нам, полным почти болезненного стремления к объективности, этот личный элемент кажется странным, а иногда и совершенно излишним и даже непонятным. Но справедливо ли это и не кроется ли тут несколько упрощенное рассуждение «мы так не делаем, значит это не хорошо»? Несомненно, что благодаря такому приему приходится читать много по нашим понятиям лишнего, но за то эта же особенность сразу дает нам в руки ключ к характеру автора и в значительной мере дает нам контроль над возможными субъективными элементами оценки: мы знаем, что нас ждет и можем с надлежащими оговорками

¹ Сообщение, прочитанное в заседании Восточного Отделения 7 мая 1919 г., посвященном памяти И. Н. Березина по случаю столетия со дня его рождения.

использовать материал. Первое, что мы невольно отмечаем во всех путевых записях и заметках Березина, это сильный субъективный, европейский элемент. В отличие от современного востоковеда, усиленно стремящегося приблизиться к человеку Востока и понять его именно путем этого приближения, возможного претворения, мы видим, что Березин ни на минуту не забывает, что он европеец. Характерен в этом отношении, например, один из его эпитафов, взятый из известной книги Малькольма, История Персии, где говорится о том, что в народных массах мало различий в обычаях и что те различия, какие имеются, происходят от рода их занятий и от большего или меньшего распространения просвещения. Вряд ли мы согласимся теперь с таким методом исследования.

Но трудно отрицать, что именно эти черты, которые вызывают теперь нашу критику в свое время имели большое положительное значение, так как они давали читателя специалисту, умевшему говорить на общедоступном языке, они давали возможность ученому, менее оторванному от своей среды, самому сообщать верное общее представление о Востоке, не прибегая к помощи сомнительного толмачества плохих популяризаторов наших дней.

Та дифференциация труда, которая необходима, но которую мы все не умеем как то уложить в надлежащие рамки, дала, конечно, очень много, но в наших пока неумелых руках многое и отнято у нас. Читая описание путешествий Березина, чувствуешь это очень ярко. Возьмем, например, рисунки, приложенные к его книге; они, конечно, во много раз ниже тех превосходных, обыкновенно, вполне документальных фотографий, которые привозим мы из своих путешествий, но за то мы утратили то, что было у Березина—умение самому рисовать, не художественно, правда, но в общем правдиво и умело, — много его рисунков хранится здесь у нас в Азиатском Музее и предъявлены вашему вниманию. Конечно, они несравненно ниже наших фотографий по документальности, но за то самому Березину они давали пошманье формы и красок, так часто отсутствующие у современного ученого путешественника, который перестает смотреть сам, потому что уверовал в свой фотографический аппарат, и этому аппарату он, увы, вполне безрассудно поручает за себя смотреть. Березин смотрел всегда сам, и это чувствуется на каждом шагу в его описаниях, которые действительно воссоздают перед нашими глазами то, что он описывает; не даром он сам в полусушительной форме отмечает свой талант изобразителя.

Мы только что отметили, что Березин на все смотрит с европейской точки зрения, не стараясь перевоплотиться в человека той среды, которую изучает. Это, конечно, с нашей точки зрения большой недостаток. Но у Березина он с лихвой искупается тем особым полувосточным чутьем, ко-

торое мы нередко наблюдаем у русских и которое, может быть, является следствием известного восточного элемента нашей культуры.

Путь Березина был следующий: в июне 1842 г. он спустился по Волге от Казани до Астрахани, затем по Каспийскому морю к Тарху, затем в Дербент, Куба, Баку, Сальян, Ленкоран, Астара, затем в пределы Персии. Здесь Тавриз, Тегеран, потом поперек Персии до Персидского залива. Далее в Басру, в половине 1843 года, и потом объезд Месопотамии и Сирии через Багдад, Мосул, Диарбекир, Алеппо, Антиохию, Бейрут, Яффу, в Иерусалим и Дамаск. В начале 1844 года Березин в Египте, через несколько месяцев перебрался в Константинополь, где провел 11 месяцев, занимаясь восточными языками, вернулся через Одессу и Крым.

Наиболее обследованы им были персы и Персия, они, видимо, заинтересовали его больше всего. Недаром Березин соответствующий эпиграф из Шардена ставит в начале тома путешествия в Персию.

Хотя основною целью путешествия по программе, назначенной Березину и его спутнику Диттелю и было указано изучение языков «мусульманских», т. е., арабского, персидского и турецкого, Березин живо заинтересовался и географией и прошлым страны, отчасти и топографией и археологиею.

Несомненно, что план трехгодичного путешествия был назначен слишком широко, слишком велико было число стран и городов, которые надо было посетить. Вниманию Березина, естественно, должно было расплыться, и трудно было ему за время путешествия дать какойнибудь законченный и в достаточной мере проработанный труд. Не беря на себя судить о работах его по турецкой и арабской диалектологии, могу только сказать, что на работах по персидским наречиям сильно отразился и способ путешествовать — посещение слишком большого числа мест и разнообразие припятых на себя задач.

Том, касающийся персидских наречий, обнимает собою гилыни, татский, тальшский с лахиджацким говором, мазендерани, гебри и курдский, и в свое время имел большое значение, как собрание материалов по этим наречиям, о которых тогда было очень мало известно. Недостатки транскрипции и ограниченное число записанных текстов явились, однако, причиною, что работа уже устарела в значительной мере. Этот приговор не включает в себе, однако, упрека автору, ибо поставленный условиями путешествия в то положение, в котором он находился, Березин вряд ли мог бы дать что либо, что удовлетворило бы нашим строгим требованиям собрания лингвистического материала. Нельзя забывать, что книга Березина долгое время наряду с трудом Ходзько была единственною в своем роде

и что благодаря, главным образом, именно ей и началось настоящее изучение персидских наречий. Нам легко теперь дать отрицательную критику научных приемов Березина, но без его трудов мы бы и не дошли, вероятно, еще до этой возможности критиковать. О персидской грамматике (1853 г.) мало можно сказать: она обстоятельна, но не дает чего либо нового и самостоятельного.

Сузив поле наших работ, мы, конечно, достигнем в частности большего, чем наши предшественники, но мы в значительной степени утратили зато ту ширину кругозора, которая составляла обаятельность их работ. Березин особенно яркий пример того, что его поколение умело привлечь к востоковедению интерес гораздо более широких кругов, чем это умеем делать мы. Сам Березин был яркою, определенной личностью, которую со всеми ее достоинствами и недостатками мы видим на страницах его книг, повествующих о странствованиях русского ученого на Востоке. В его индивидуальном элементе и лежит объяснение тому, что путешествия Березина мы читаем с удовольствием и пользою еще и теперь, через 70 лет: в них и материалы для нас ценные, и страницы из истории русского востоковедения.

С. Ольденбург.